

Мортон умер.

Он ушёл, не успев закончить разговор — сидел напротив, но покинул этот мир беззвучно, словно тень, растворившаяся в сумерках. Кто-то провожал его в последний путь, но в итоге старик, у которого, казалось, было так много невысказанных слов, остался лежать под могильной плитой, навеки уснув в земле. Стивен знал: однажды он тоже ляжет туда. Лицо его истлеет, острый клинок покроется ржавчиной.

Он шёл по улицам Танзана. Кто-то провожал его взглядом, но тех, кто знал его прежде, почти не осталось — чужие, равнодушные глаза смотрели на него с незнакомым любопытством. И сам Стивен смотрел на этот город чужими глазами. Даже у стен бывших трущоб, где он когда-то жил, всё изменилось до неузнаваемости — улицы перепланировали, и от его старого дома не осталось даже доски. Всё те же ребятишки прятались по закоулкам, но среди них не было ни одного знакомого лица. Исчезла и старая гостиница, и девушки, что собирались там, растворились в неизвестности. Даже таверна Бенсона снесли, и никто не знал, куда она переехала.

Жизнь — это бесконечные проводы. Стивен понимал, что его сердце погружается во тьму. Слова утешения для других всегда слетали с губ легко, но когда пытаешься уговорить себя — выбраться из этого омута невозможно. Он привёз прах Филиппа обратно, но не стал хоронить его здесь. Это была родина, но уже не его родина. Он хотел вернуться к Бранду, но боялся этого сильнее прежнего. Он не любил прощаний — они заставляли его чувствовать себя брошенным на милость судьбы, покинутым этим миром. Он даже думал: если бы с самого начала быть одному, если бы ничего не начиналось, не пришлось бы и бояться расставания?

Костер горел, Стивен подбрасывал в него ветки. Он знал, что запутался в собственном лабиринте, но пока не мог найти ключ. Если бы можно было жить вечно... Если бы он тоже мог обрести бессмертие, как Бранд, быть может, он бы смотрел на всё с ледяным спокойствием и больше никогда не знал страха?

— Я могу даровать тебе вечность... — сухой, хриплый голос, казалось, донёсся из самого пламени.

— Кто здесь?! — Стивен сжал рукоять меча, вглядываясь в темноту вокруг, не пропуская ни малейшего шороха. Услышав шорох листвы справа, он резко выбросил клинок вперёд, но тень, вышедшая из кустов, ловко увернулась. Он повернул лезвие, и тень заговорила торопливо:

— О, не спеши, дорогой. Если убьёшь меня, никогда не узнаешь, как обрести бессмертие.

— Если ты даже мне не ровня, неужели у тебя и впрямь есть сила даровать вечную жизнь? — Стивен направил меч на призрачную фигуру.

— Конечно, — ответ та прозвучал твёрдо и уверенно. — Длина жизни мало связана с силой. Как черепахи — они живут долго, но это не значит, что они могучи. Бессмертие можешь дать тебе только я.

Стивен сжал губы, сердце билось тяжело и часто. Он крепче сжал рукоять и спросил:

— Какова цена?

В этом мире ничего не даётся просто так, особенно когда речь идёт о существе, которое он никогда прежде не встречал.

— Цена за жизнь — это жизнь, — голос тени звучал сухо, но в нём чувствовался странный ритм. Она мягко нажала на острие его меча и продолжила: — Чтобы получить что-то, нужно отнять что-то взамен. Отдашь мне сердце старика — получишь год жизни. Отдашь сердце юноши — десять лет. А если принесёшь мне сердце ребёнка — я дам тебе целых пятнадцать. Чем больше отдашь, тем дольше проживёшь. Когда обретёшь бессмертие, сможешь навеки остаться с тем, кого любишь. Никогда не расставаться, никогда не разлучаться, навсегда...

Навсегда.

Это слово обладало гипнотической силой. Оно было самой сокровенной мечтой Стивена — быть с тем человеком вечно. За долгие годы совместной жизни он любил его всё сильнее и только жалел, что время слишком коротко. Как же он не хотел с этим мириться!

Стивен сжал рукоять и одним ударом пронзил сердце тени:

— Прости, но твой способ вызывает у меня лишь отвращение!

Хриплый голос оборвался, но вместо него раздался звериный рёв. Откуда-то налетел ледяной ветер, Стивен инстинктивно отпрыгнул, выдергивая меч и взмахивая им. Крупные капли с металлическим запахом ударили в лицо, но он не мог понять, откуда льётся кровь.

Иллюзия!

Он снова вонзил клинок — и внезапно распахнул глаза. Пасть, полная острых клыков, была прямо перед ним, и от ужаса его прошиб холодный пот. Это был оборотень. Сердце чудовища было пронзено, горло перерезано, но из разверстой пасти всё ещё тянуло тошнотворной вонью. Оно стояло на задних лапах, в застывших зрачках затаилась злоба и звериная ярость. Ещё чуть-чуть — и эти челюсти сомкнулись бы на его шее. Совсем чуть-чуть.

Стивен стёр с лица кровь, отшвырнул мёртвую тушу ногой, и только тогда его накрыла запоздавшая дрожь — волосы на затылке встали дыбом, дыхание срывалось. Ещё чуть-чуть — и чудовище подкралось бы к нему незаметно, лишило бы жизни, и он уже никогда не смог бы вернуться. Не только тело и слух ослабли — прореху дала и душа.

Оборотни умеют притворяться бродягами и проникать в людские города, но это коварное племя также использует иллюзии, выискивая в человеческих сердцах самые тёмные уголки и

страх. Обычных искателей приключений пугает их способность ходить на двух ногах, другие попадают на иллюзии красавиц, золотых монет, сокровищ. Раньше Стивен не боялся этих тварей — тех, кто владеет иллюзиями, мало, а тех, кто способен обмануть его, и вовсе единицы. Даже золото не стоило его жизни. В походе главное — не поддаваться жадности. Но он всё же поддался — он захотел продлить свою жизнь и дослушал до конца эту чудовищную теорию обмена жизней. Пусть он отказался, но была ли хотя бы секунда, когда он колебался? Как всё скверно.

Он не мог сейчас вернуться к Бранду. В таком состоянии он был слишком жалок. Стивен достал бурдюк, смыл кровь с клинка, вытер лицо, поднялся, загасил костёр, взял коня под уздцы и ушёл в ночь.

...

Осень в Логе была на редкость щедрой. Обильный урожай — одна за другой гружёные телеги везли овощи и фрукты, часть увозили на кораблях, часть прятали в вырытые погреба. Прибывали суда с припасами на зиму. Собирали сухие ветки и листья — телеги дров и угля въезжали в город, а часть отправлялась в поместья. Лебеди, что ещё недавно плавали по озеру, улетели далеко на юг. Маленькая белая кошка сидела у воды, глядя, как рыба высовывает голову, и слегка прижимала лапкой свой разинутый рот, пытаясь засунуть его в воду целиком.

«Наглая рыбина, ещё и кошку есть вздумала!» — раздалась угрожающая трель системы, но та лишь пыталась притянуть рыбу к берегу, обвинив в непомерной дерзости — и, разумеется, потерпела неудачу.

Сидя у окна, Сюй Юань смотрела на золотые поля за окном, но не видела среди них той единственной фигуры, что ушла и не вернулась. Скоро эти земли укроет снег.

«Мяу, посмотри, где сейчас Стивен», — попросила Сюй Юань, не отрывая пальца от страницы. Снег — опасная помеха для путника. А в его теле ещё столько застарелых ран — зима станет для него тяжким испытанием.

«Есть!» — Тунцзы принял задание и временно оставил рыбу в покое. Но, обыскав окрестности, доложил: «Хозяин, красавчик, кажется, заблудился».

«Куда именно?» — спросила Сюй Юань.

«В ста милях к югу. Маршрут просто хаотичный», — проанализировала система.

Если только не заблудился, дорога не может быть такой запутанной. Сюй Юань чуть прищурилась, глядя на разметавшиеся под ветром листья — они походили на его смятенную душу. Бессмертие — трудная загадка. Когда время берёт своё, он будет терзаться и мучиться, сожалеть. Это её вина. Не нужно было, зная, чем всё кончится, впутывать его в эту историю. Теперь остаётся только смотреть, как он бьётся в тенетах собственного отчаяния.

Осенний ветер ударил в стекло, на подоконнике лежала закрытая книга, а у окна уже никого не было.

...

Сумерки окрасили небо в багрянец. Стук копыт раздавался по лесной тропе, всадник натянул поводья, пригнулся к гриве коня — ветер сбил капюшон, и в вечернем воздухе взметнулись рыжие волосы. Осенний вечер уже дышал холодом, ветер забирался за ворот, остужая разгорячённое скачкой тело, вызывая мурашки. Стивен натянул поводья, и, когда копыта коснулись земли, снова натянул капюшон, огляделся, посмотрел на своего выносливого скакуна и спросил:

— Дружок, ты знаешь, где мы?

Конь в ответ лишь фыркнул и переступил с ноги на ногу. Стивен вздохнул, смирился и снова взмахнул хлыстом, направляя коня вперёд. Виноват он сам: задремал в полдень прямо в седле, а пока спал, конь сошёл с дороги и забрёл в какие-то заросли. Когда Стивен проснулся, он уже не понимал, где находится. Даже если он не хочет сейчас видеть Бранда, он хотя бы должен найти деревню или город, чтобы переночевать. В незнакомом лесу, кто знает, на каких ещё тварей можно наткнуться. Хотя огниво было удобным, он сейчас не хотел прибегать к его помощи. Но хотя бы раз он должен увидеть Бранда — пусть даже он колеблется и мучается, пусть его раздражают сомнения, он должен увидеть его, чтобы тот не волновался, и хотя бы вернуть огниво. А что будет потом — он и сам не знал.

Ночной ветер нёс прохладу. Стивен гнал коня, но, когда совсем стемнело, вокруг не было ни единого следа деревни. В темноте опасно гнать — он сбавил скорость, глянул на уставшего коня, спешился, взял под уздцы и сказал:

— Вот если бы Филипп был здесь...

Конь фыркнул и остановился.

— О, и ты тоже капризничаешь, — усмехнулся Стивен, повернувшись к натянувшему поводья скакуну. — Если не пойдёшь, оставлю тебя здесь волкам на ужин.

Поводья чуть ослабли, конь переступил копытами. Стивен достал из сумки морковку, сунул её коню, потом вытащил вторую и сам откусил кусочек. Теперь конь шёл куда послушнее. Шаги, стук копыт — они двигались в лунном свете, но когда Стивен уже подумывал остановиться на ночлег прямо в поле, он почувствовал на носу холодную каплю. Поднял голову: луну затянула лёгкая дымка, и в её свете, кружась, падали мелкие белые точки — снег. Начался снегопад. «Снег на голову» — это как раз про его положение. В другие зимы он уже сидел бы у камина, достав из погреба охалку яблок, отрезал бы кусок мягкого яблочного пирога и читал бы книгу, привезённую из-за моря и переведённую Брандом, узнавая о мирах, далёких от этого континента. Говорят, в том мире драконы длинные, как змеи, а не с крыльями, и всё же умеют летать и повелевать ветрами и дождями. Стивен выдохнул облачко пара, обернулся к коню:

— Это называется — сам себе злобный Буратино, да?

Умный конь не мог ответить на столь сложный вопрос — он думал только о морковке в сумке Стивена. Стивен заметил, как тот тянется носом, похлопал его по морде:

— И в кого ты такой?

Бранд не был таким прожорливым... хотя, если честно, и он когда-то падал в обморок при виде еды. Но когда они перестали голодать, он больше не бросался на еду как голодный зверь. И Бранд ничуть не смущался этого его недостатка — то, что волновало его, совсем не походило на заботы других.

— Больше не дам, а то мне придётся траву жевать, — Стивен торговался с конём, который то и дело косился на его сумку, и вновь потянул поводья, когда услышал вдалеке скрип колёс. В такой поздний час — и повозка?

Стивен обнажил меч, отвёл коня в сторону. Конь слушался сносно, но в отличие от Филиппа он не умел ложиться по команде. Трава была высокой, но деревьев почти не было — в лунном свете конь был хорошо виден. Стивен сжал рукоять, вглядываясь в приближающуюся повозку. Пара лошадей, фонарь на дуге покачивался в такт бубенцам, освещая дорогу. Возница и доверху гружёный товаром фургон не походили на ночных разбойников. Стивен перевёл дух, но тут с повозки донеслось:

— Стой! Кто идёт?

Голос был грубоватым, но в нём не чувствовалось бандитской злобы. Стивен снял капюшон и, ведя коня в поводу, шагнул к настороженному вознице:

— Я путник, странствующий искатель приключений. Скажите, поблизости есть деревня?

Даже если в ней только сено на полу — лучше, чем ночевать под открытым небом. Свет фонаря выхватил из темноты рыжеволосого, зеленоглазого всадника — черты лица у него были необыкновенно хороши, и он походил скорее на сказочного духа, чем на человека. Но походная одежда и тяжелые тюки за седлом выдавали в нём настоящего странника. Коренастый возница чуть расслабился, хотя меча не убрал:

— Вы заблудились?

Стивен, глядя на мужчину в ватнике, тоже не спешил убирать оружие:

— Да, сбился с дороги, не успеваю до ближайшего города.

— Ох, в такую ночь под открытым небом — сущее мучение, — посочувствовал возница, глядя на дорогу впереди. — Ступайте прямо по этой дороге, когда луна будет почти в зените, доберётесь до городка.

Стивен глянул на луну, только поднимавшуюся над горизонтом, и улыбнулся:

— Благодарю.

Он убрал меч в ножны, вскочил в седло и вывел коня на дорогу:

— Всего доброго, и вам советую не задерживаться в пути — ночью опасно.

— Хорошо, — машинально отозвался возница.

Стивен кивнул, снова надвинул капюшон, погладил коня по шее, собираясь тронуться, но тут сзади раздался голос:

— Если не возражаете, можете переночевать у меня.

Стивен натянул поводья и замер, удивлённо оглянувшись на мужчину, который наконец убрал меч:

— К вам? Ночью пускать в дом незнакомца — опасно.

— Моя ферма рядом, — возница поправил шапку и пригласил. — Скоро доедем, если не против.

— Тогда позвольте побеспокоить, — Стивен чуть сжал пальцы в улыбке.

— О, не стоит, следуйте за мной, — хлестнул лошадей возница. Зазвенели колокольчики, Стивен уступил дорогу, придержал коня и двинулся следом за качающимся огоньком фонаря. Они ехали по дороге, свернули на просёлок, а когда снег начал густеть, впереди показались огни нескольких домов. Изгороди, копны сена, собачий лай в ночной тиши, запах навоза — в безлюдной тьме он не казался резким. Повозка въехала в конюшню. Возница прикрикнул на собак, и из домика, приоткрыв дверь, выглянула чья-то головёнка. Увидев отца, ребёнок выбежал наружу с радостным криком:

— Папа!

— О, маленький Бобби, не беги, поскользнёшься на снегу! — крикнул возница, бросая поводья, и в несколько шагов подхватил выбежавшего малыша на руки.

— Папа, я тоже! — из дверей выскочил ещё один, запрыгал вокруг, и возница подхватил второго, посадив на вторую руку. Детский смех звонко разнёсся в ночи.

— Ох, у них слух как у зайцев, их ничем не удержишь, — из дома выглянула женщина с укоризненной улыбкой.

— Слишком шустрые, замучили тебя, дорогая, — ухмыльнулся мужчина.

— Заходите скорее, — женщина приветливо махнула рукой и, заметив фигуру за изгородью, удивилась: — А вы...?

— Это заблудившийся странник, в такой снег дальше не проехать. Я предложил ему переночевать, — мужчина кивнул на Стивена, и дети, глядя вслед за его взглядом, уставились на незнакомца. В свете свечей их широко раскрытые глаза блестели удивлением и любопытством.

— Прошу прощения за беспокойство, мне достаточно охапки сена, — произнёс Стивен.

— О, в такую снежную ночь на сене можно замёрзнуть насмерть. Заходите, выпейте горячего супа, — женщина приветливо улыбнулась, приглашая.

— Спасибо, — Стивен ввёл коня во двор.

Мужчина опустил детей на пороге, показал Стивену конюшню и принялся разгружать повозку, таская товары в дом. Стивен привязал коня и пошёл помогать. Мужчина поблагодарил, отказываться не стал.

— Ого, да у вас сила! — восхитился он.

— Наверное, от постоянных упражнений с мечом, — усмехнулся Стивен, укладывая мешки с зерном сверху.

Дом был длинным и просторным, сложенным из камня, крытым деревом и соломой, чтобы не пропускать дождь и снег. Кладовая была отделена от жилой комнаты, у входа стоял грубоватый, но ладный камин, соединённый с трубой; в нём плясал огонь, разливая по дому уютное тепло. На плите булькал котёл, в воздухе разносился аромат мясного супа. Дети, присев у камина, с нетерпением поглядывали на него, сложив ладошки.

— Выпейте горячего, — позвал мужчина, а женщина, обхватив котелок толстой тряпкой, понесла его к столу, приговаривая: — Бобби, Мелли, не стойте так близко, а то обожжётесь.

Дети шарахнулись, но побежали за ней следом, не сводя глаз с дымящегося супа. Стивен снял

капюшон и сел, куда пригласили:

— Спасибо.

В свете камина его рыжие волосы засияли ярким пламенем, и дети разом уставились на него, даже женщина, разливавшая суп, не удержалась и бросила восхищённый взгляд.

— Не желаете вина? — мужчина поставил перед Стивеном миску супа и достал кувшин.

— Нет, я не пью, спасибо, — отказался Стивен. В незнакомом месте, на ночлеге, он не прикасался к спиртному.

— Ну и ладно, для тепла оно только, — мужчина не настаивал, налив себе.

Запах вина разнёсся по комнате, и дети, только что разглядывавшие Стивена, повернулись к отцу:

— Папа, вино вкусное?

— Пап...

— Вам пока только суп, — женщина шутливо прижала ладони к их головам, и мужчина рассмеялся:

— Да, только когда подрастёте.

Ужин оказался на удивление сытным: кроме супа, был хлеб из пшеничной муки, бобы, яйца и морковь. Горячая еда согрела тело, утолила голод и разогнала усталость пути. После ужина мужчина под общий восторг детей достал несколько крупных яблок, одно дал каждому, а одно протянул Стивену, который, взяв его в ладонь, на мгновение растерялся.

— Ой, ты их перекормишь, у них рот не закрывается ни на минуту, — укорила его жена. Мужчина склонился к ней и что-то шепнул, протягивая ей отрез новой ткани — такую, какую он привёз сегодня. Она шутливо хлопнула его по руке, но улыбнулась счастливо и тепло.

Стивен смотрел на эту сцену, потом перевёл взгляд на яблоко в своей ладони, а затем — на малышей, сидевших на скамеечках рядом, каждый с яблоком в руках, которые, встретившись с ним взглядом, тут же отводили глаза. Он улыбнулся. Ему захотелось увидеть господина Бранда.